

— Хорошо, хорошо... — Цзян Чэн тяжело дышал, дёргал за короткие волосы Гу Шэна, заставляя того смотреть на себя, и, ткнув пальцем в голову водителя Сяо Чэня, рявкнул:

— Вали! Катись отсюда к чёрту! Передай Сун Чжао, чтобы не ломал голову, как подмазать японцев! Раз Ида любит петь в опере, так пусть ему и подарит!

Он снова схватил Гу Шэна за волосы, приподнял его и, упираясь лбом в лоб, сквозь зубы прошипел:

— Ну как, рад, что ушёл от меня?

Сяо Чэнь ошеломил этот внезапный и абсурдный приказ. Он замер, приоткрыв дверь, и осторожно посмотрел на выражение лица Гу Шэна. Однако Цзян Чэн был в ярости, и, видя, что водитель не двигается, он выхватил пистолет и выстрелил вперёд:

— Быстро проваливай!

Сяо Чэнь не стал медлить. Вывалившись из машины через разбитое лобовое стекло, он бросился бежать к ресторану Чанфу.

На самом деле, такие вещи, как дарение наложниц для укрепления связей, были обычным делом среди молодых людей с положением и их отцов. Это даже не стоило упоминания.

Как в древности, когда старший сын наследовал титул, младшие братья и двоюродные родственники дарили ему красавиц в качестве подарков, чтобы пополнить его гарем. Многие из этих красавиц были наложницами с низким статусом, воспитанными и знающими своё место, которых отправляли в дар старшему брату.

Е Бинь использовал своих свежих и неопытных девушек, чтобы подмазать многих чиновников. У Сун Чжао тоже было несколько высококлассных куртизанок. Даже отец Цзян Чэна, Цзян Чжия, дарил своих наложниц в качестве подарков после сделок.

Для власть имущих это было просто случайное замечание после сделки, не стоящее особого внимания. Но их случайные слова становились приговором, легко уничтожая жизнь бедняка, чья судьба была ничтожна, как у муравья.

Гу Шэн наблюдал, как Сяо Чэнь исчез в дверях, его взгляд был пустым и равнодушным.

Незнакомое и жёсткое ощущение появилось на его шее.

Цзян Чэн опустил голову, и дуло его пистолета медленно скользило по контуру лица Гу Шэна, пока он пристально разглядывал его.

Холодное и безжизненное дуло пистолета, не смазанное маслом, было таким же ледяным, как и лицо Цзян Чэна, погружённое в темноту. Металлическое оружие скользило по коже то лёгкими, то тяжёлыми прикосновениями, создавая резкий контраст между чёрным и белым, твёрдым и мягким.

Гу Шэн слегка дрожал в его руках, не то от страха, не то от холода. Алкогольное дыхание Цзян Чэна окутало его шею, и в какой-то момент мир вокруг потерял равновесие, как будто всё вокруг было наполнено зловонием старого вина семьи Шэнь.

Цзян Чэн, встретившись взглядом с Гу Шэном, вдруг улыбнулся:

— Но перед этим тебе придётся сначала обслужить меня!

Гу Шэн медленно пришёл в себя, но его взгляд не задержался на Цзян Чэне. Его глаза, покрасневшие от предыдущей борьбы, в темноте выглядели как румяна, нанесённые перед выходом на сцену. Цзян Чэн прищурился, с наслаждением провёл большим пальцем по покрасневшему уголку глаза Гу Шэна, затем схватил его за затылок и изо всех сил поцеловал!

Это даже нельзя было назвать поцелуем, скорее это было животное, действующее чисто силой, кусающее. Лёгкий металлический привкус крови смешался с болью от разрывающейся кожи, и удушье накатило, как прилив. Гу Шэн изо всех сил откинул голову назад, пытаясь избежать этого, но был крепко схвачен и не мог пошевелиться.

Когда Цзян Чэн разорвал чаншань Гу Шэна и вытащил его из одежды, почти обессиленный молодой человек снова начал яростно сопротивляться.

— Вернись!.. Вернись.

Впереди проезжали машины, их яркие белые фары беспрепятственно падали в салон, освещая обнажённое, но покрытое синяками тело молодого человека.

Цзян Чэн остановился на секунду, прищурившись, разглядывая его, убедившись, что Гу Шэн не посмеет сопротивляться, накрыл его своим европейским костюмом и перепрыгнул на водительское сиденье.

Когда Сяо Чэнь ворвался на второй этаж, в кабинете царил полный беспорядок. Дым, крики, пьяные болтали всякую ерунду.

Сун Чжао только что отправил людей, закурил сигарету и поднёс её ко рту Шэнь Вэньчану, с улыбкой сказал:

— Ох, этот Цзилян слишком много выпил, слишком много, что он там говорит, не сердись, не сердись, злиться вредно для здоровья, верно, верно?

— Ну да, кстати, я знаю много послушных девушек и парней, свежие, только что привезли из Цзянбэя, ещё не выходили на публику, — Е Бинь подхватил, поднося Шэнь Вэньчану бокал. — Вот только Цзян Шао два года пил чернила за границей, теперь не разбирается в местных делах.

Он посмотрел на Шэнь Яо, но тот не смотрел на них, а смотрел в сторону, где исчез Цзян Чэн, задумавшись. Е Бинь скривился и продолжил болтать с Сун Чжао.

Сяо Чэнь, только что вбежавший наверх, тяжело дышал, но, вопреки словам Цзян Чэна, не пошёл к Сун Чжао, а быстро подошёл к Шэнь Яо и, не переводя дыхания, передал ему слова Цзян Чэна, в конце осторожно указав на Сун Чжао, который подносил бокал Шэнь Вэньчану:

— Господин, как насчёт... сообщить об этом господину Сун?

Шэнь Яо, который о чём-то размышлял, вдруг очнулся и выдохнул дым прямо в лицо Сяо Чэню:

— Это действительно сказал Цзян Чэн?

Сяо Чэнь закивал, как марионетка:

— Точь-в-точь, точь-в-точь.

Шэнь Яо долго смотрел на него, открыл рот, но снова замолчал, опустил глаза и осмотрел пол под ногами, бросил окурок на пол и тщательно раздавил его, прежде чем поднять глаза и с неопределённым выражением взглянуть на Сун Чжао вдалеке:

— Хорошо, я разберусь с этим. Пока ни с кем не говори.

...Цзян Чэн, играющий с актёрами на стороне, — это ничего, пока положение семьи Шэнь сохраняется, он не посмеет сделать что-то с законной женой, это ничего. Шэнь Яо хорошо это знал и не придавал значения.

Все его мысли изменились после того, как Цзян Чэн выстрелил.

Этот безрассудный, полный ревности и почти безумный выстрел.

Шэнь Яо должен был признать, что, несмотря на то, что сейчас думал Шэнь Вэньчан, он действительно испугался. Он боялся, что Цзян Чэн был серьёзен, и Цзян Чэн выглядел... действительно серьёзным.

Его лицо, и так с резкими чертами, исказилось в уродливой гримасе, которая глубоко засела в глазах Шэнь Яо и не хотела уходить.

Он не мог позволить семье Шэнь рисковать таким образом.

Если сегодня Цзян Чэн осмелился выстрелить в главного милитариста Гуаньнань ради актёра, завтра он мог выгнать женщину, которую старики навязали ему, из дома. Он не думал о последствиях, не думал о цене, в его глазах было только то, что он хотел, и он не терпел никакого вмешательства.

Он не мог позволить Цзян Чэну продолжать так безумствовать, даже ради десятилетнего мира в Цзиньгуане.

А Шэнь Вэньчан, которого Цзян Чэн внезапно поставил в тупик, оставался в своей позе, через некоторое время опустил поднятую руку, в ладони которой всё ещё оставалось слабое тепло от плеча молодого человека, но оно, казалось, обожгло его сердце.

Шэнь Вэньчан опустил уголки глаз ещё ниже, а его поднятые зрачки выражали сложные эмоции.

9.

(1)

Цзян Чэн занимался этим с полуночи до рассвета.

Когда он проникал в Гу Шэна, он шептал ему на ухо, сжимая мягкую кожу лица того, кто лежал под ним, и с восхищением разглядывал каждую мельчайшую эмоцию на его лице, не в силах оторваться:

— Как ты мог улыбаться кому-то другому... Ты мой, ты мне не улыбался... Как ты смеешь улыбаться другим?..

Он говорил это, опуская голову в шею Гу Шэна, каждый вдох сопровождался непрерывными поцелуями на этой тёплой коже. Гу Шэн молча терпел всё это, его щёки втянулись из-за сжатых челюстей, каждое проникновение Цзян Чэна вызывало эмоции, которые он изо всех

сил старался подавить.

Боль, унижение, насилие и мучения.

Цзян Чэн мог получить Гу Шэна с лёгкостью. Он мог приковать его к кровати на целых десять дней, где каждый приём пищи, сон и туалет были бы под наблюдением и докладывались ему; он мог легко стереть человека с лица Цзиньчжоу, чтобы в мире не осталось никаких следов его существования; он мог одним словом распустить труппу Хунсинь, и за полдня знаменитый Лиюань Цзянбэя опустел бы.

Это была власть и сила, которые держал в руках Цзян Чэн. Ему не нужно было показывать это Гу Шэну, тот должен был сам понять и подчиниться.

<http://bllate.org/book/16144/1445653>